

Август 1991 года. Тревожные дни, связанные с кратковременной деятельностью ГКЧП. Попытка информационной блокады, листовки, раздаваемые прохожим, растерянность одних и надежда на возвращение старых порядков со стороны других. И пресловутые трясущиеся руки Янаева на телевизионном экране - как некий символ переживаемого страной момента...

Именно в эти дни в Омске выдвинулась на первый план фигура Александра Минжуренко: он организовал и возглавил сутками работавший в здании нынешней мэрии общественный комитет по поддержке законной власти.

Знали его и до этого - народный депутат СССР, член знаменитой межрегиональной группы депутатов, в которую вошли самые видные тогда демократы страны, в том числе академик Андрей Сахаров... Но именно август 91-го стал одним из поворотных моментов в жизни Минжуренко.

Запомнился митинг у музыкального театра. Выступающие стоят на возвышении, кто-то за их спинами размахивает трехцветным российским флагом. Рядом с А. Минжуренко - несколько человек, только что прилетевших из Москвы. От них - из первых рук - омичи узнают: путч не удался, армия не поддержала заговорщиков, Белый дом устоял, законный порядок восстановлен, гзачеписты арестованы.

А буквально через несколько дней стало известно: появилась новая должность - представитель Президента РФ в Омской области и назначен на нее Александр Минжуренко...

- Александр Васильевич, институт уполномоченных президента на местах был учрежден в ответ на путч? Вам вменялись функции надзирателя?

- Как я узнал уже после назначения, идея разрабатывалась в течение всего 1991 года. Так что с одной стороны - путч как бы подтолкнул ее практическое воплощение, а с другой - есть тут и элемент простого совпадения событий.

Роль института представителей президента была тогда особо ответственной - они способствовали сохранению целостности России. Вскоре после путча произошел развал Советского Союза, процесс мог пойти и дальше, сепаратистские настроения обострялись в Карелии, Татарии, Бурятии, Якутии... В то время президент слабо знал настроения политической элиты в регионах, и одной из наших задач было оперативно информировать его об этом. Контакт с Москвой был тогда прямой - дозвониться до президента труда не составляло, а во время приездов в Москву в течение получаса можно было попласть к нему на прием - даже без предупреждения. Представители местной власти с нами разговаривали, зная, что через пять минут содержание разговора по аппарату ВЧ может быть доложено президенту. Не нужно думать, что я сам издавал какие-либо приказы, распоряжения и постановления, - предписывать что-либо местным руководителям не входило и не входило в мои обязанности.

- А сегодня часто удается встречаться с президентом?

- Сейчас, после его болезни и операции, такие контакты стали намного реже. Точно не могу сказать, в чем тут причина - в его здоровье или в изменении стиля работы президентской администрации. Раньше было проще: на любом совещании с участием президента можно было все откровенно ему доложить, обо всем спросить - такие встречи, как правило, носили рабочий характер, проводились без журналистов, были весьма доверительными.

«Помню, я Казанику говорил: «Те же люди, которые сейчас тебя на руках носят, будут кричать: «Распи его!»»

В профессиональной партономенклатуре я никогда не состоял, но нравы, царившие там, знаю не понаслышке, поскольку был секретарем факультетского партбюро, в качестве приглашенного бывал на разных заседаниях партаппарата районного и городского уровней. Система была там простая: нижестоящая структура должна докладывать о состоянии своих дел вышестоящей только в припомощном, отлакированном виде, правда не приветствовалась. Главенствовало тотальное вранье. Сидят на парткоме солидные дяди и на полном серьезе, не стесняясь, обсуждают, как по выгоднее преподнести институтские, допустим, дела в райком. В райком потом ломают голову, как скрыть недостатки районного масштаба перед городом, и т. д. Всеобщая фальшь.

И вот я стал представителем Президента, и на уровне первого лица государства с меня стали требовать правду, только одну правду... Впечатление было ошеломляющее. Докладывая президенту, не нужно было включать никаких внутренних тормозов и ограничителей, выбирать обтекаемые формулировки и т. д. Какое впечатление от общения с президентом останется у меня на всю жизнь: именно при нем мы начали исповедовать диаметрально противоположную формулу государственности - неиндивидуальную, незашоренную, расслапнутую. Я и в Омске потом пытался «заразить» этим же стилем

работы своих коллег, всех, с кем приходилось сталкиваться по роду деятельности.

- Помню, в последние годы существования парвласти в Омске кипели страсти вокруг учебного центра обкома партии и вокруг обкомовских же дач. Не интересовались, что сейчас там?

- Дачи были отданы лечебным детским учреждениям, те не смогли должным образом их содержать, все это постепенно захирело. Но кое-что все-таки хватило ума сохранить. Сейчас на части дач оборудованы резиден-

Минжуренко

ции для приема высокопоставленных гостей - например, премьера, спикера парламента там принимали. «Оазис» этот теперь так и именуется - госдачи... Учебный центр стал неплохой гостиницей, иностранцы там останавливаются - бизнесмены, специалисты. Там же проводятся различные семинары.

О СОБЕСЕДНИКЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Родился в 1946 г., закончил с отличием машиностроительный техникум в Красноярске, с 1963 г. работал слесарем на заводе «Сибтяжмаш». С 1965 по 1968 служил в ракетных войсках. 1968-1973 - студент Томского гос университета, 1973-1976 - аспирантура. Защитил диссертацию по истории сибирского крестьянства. С 1976 - старший преподаватель Омского госуниверситета, с 1980 - заведующий кафедрой отечественной истории университета, а с 1986 г. - завкафедрой в пединституте».

(Из предвыборной листовки. 1995 г.)

- В далекие времена декабристы (во всяком случае, часть их) намечались, свергнув самодержавие, отойти от политической жизни. Большевики, как известно, захватив власть, провозгласили лозунг «Каждая кухарка может управлять государством» и принялись управлять всем, чем только можно. Многие демократические лидеры и на всероссийском, и на местном уровне, разрушив КПСС, тоже вошли во власть. Что вы думаете по этому поводу?

- Революции делают одни люди, а плодами этих революций пользуются другие - эта закономерность никем не опровергнута. Есть тип людей «прорывного», если так можно сказать, типа. К работе долговременной, управленческой, кропотливой, организационной они не способны. Трое омичей, например, вхо-

дили в известную межрегиональную группу депутатов - Казанник, рабочий Портнов и я. Портнов, видимо, принадлежал к такому «прорывному» типу, сейчас его не видно на политической арене. Мы с Алексеем Ивановичем продолжаем работать.

- Многие демократы стали широко известны благодаря тому, что активно критиковали и тем самым разрушали старую власть. Теперь же, работая в нынешних властных структурах, они сами подвергаются не менее сильной критике...

Диалог же с людьми, находящимися в палатках, вести затруднительно. Они «заполитизированы», находятся «в команде», исповедуют, на мой взгляд, мысль - «чем хуже, тем лучше». Мне даже думается, что, если вдруг произойдет чудо - найдутся деньги на их зарплату, они будут весьма раздосадованы, так как рабочие, получив зарплату, успокоятся, и повод раскачивать лодку исчезнет.

- Вы информируете свое московское руководство о таких вот палаточных городках?

- Разумеется, сразу же. Есть оперативная информация, есть аналитическая - еженедельная, ежемесячная. Это тоже мои прямые обязанности. Однако должен сказать, что в разных областях России проблемы наши настолько типичны, что присылаемые мною и моими коллегами сообщения чаще всего похожи друг на друга, как близнецы-братья. Но и это нужно. Хорошо сейчас владею информацией и Кириенко, и сам президент. И Кириенко прав: надо решать проблемы налоговые и бюджетные, иного выхода нет. Нет возможностей для маневров.

- Александр Васильевич, давайте вернемся к августу 91-го. Его атмосфера приподнятости, победы, собственной правоты... Таким настроением были охвачены тогда многие. Семь лет прошло. Что изменилось?

- Понимаю ваш вопрос. Я много думал об этом контрасте сам: праздник победившей демократии в августе 91-го и тот жесточайший кризис, в условиях которого мы все сейчас оказались. Не подумайте, что умен задним числом, но особой эйфории я и тогда не испытывал - может быть, в этом помогла моя профессия историка. Бывали и тогда уже моменты: стоишь на трибуне, видишь радостные лица массы людей и думаешь, что еще неизвестно, как все обернется. Внезапный приход свободы в посттоталитарной стране неизбежно может приве-

Какова сегодня судьба обкомовских дач, о которых в свое время так много говорили демократы?

История повторяется: и сегодня политические дивиденды набираются на отрицание. А в нашем народе всегда найдется много сторонников призыва «Долой!». Поэтому и 17-й год состоится, и коммунистов нам довольно легко в общем-то удалось опрокинуть. И сейчас этот лозунг сопровождается различными шествиями, собраниями с красными знаменами.

О СОБЕСЕДНИКЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Он представлял и то, что его назначение вызовет неприятие в определенных кругах, прежде всего - в управленческих. И если при всем при этом он не отказался бы представителем Президента, значит, сознательно взвалил на себя непомерную тяжесть и ответственность».

(«Омская правда», декабрь 1991 г.)

- В нескольких десятках метров от вашего кабинета разбит палаточный городок пикетирующих. Вы к ним ходили?

- Не ходил. И на митинге, который состоялся накануне появления этих палаток, не был, хотя получил приглашение. Созвонился с лидером местных профсоюзов Николаевым и сказал ему, что поскольку первым требованием пикетирующих значится отставка президента, то сами дух и буква моей должности не позволяют в подобном случае даже вступать в переговоры. Обо всем остальном вести речь готов. Как говорил вот в этом кабинете с приходившими сюда представителями «Полета» об оплате государством выполненного ими федерального заказа.

Розочарования я не испытываю, так как, повторяю, в свое время очарования тоже не было. Хотя все равно тяжело наблюдать то, что сейчас происходит.

- Еще более неприятный вопрос: ощущается, если можно так сказать, нелюбовь к президенту, к власти вообще. На вас этот «атмосферный столб» давит сильнее, чем на кого бы то ни было. Так?

- Даже во времена гайдаровских болезненных реформ я чувствовал себя более уверенно, так как считал, что суть их была абсолютно правильной. Что нужно перетерпеть, что через дватри года все изменится к лучшему. Хотя уже тогда у людей была эйфория улетила, уже тогда разговаривать с ними было нелегко. Самое тяжелое началось, когда пришел Черномырдин. Это пятилетие для меня было очень нелегким. Оказался полностью сбит темп реформ. Никакой Черномырдин, конечно, не реформатор, он просто затыкал наиболее зияющие дыры.

А в общем и целом у нас в стране не хватило социального терпения. Одиннадцать месяцев было всего-то отведено Гайдару. Это не срок, но президент его «сдал». Пять лет мы протоптались на месте, и сейчас приходим к тому же. При Черномырдине мне нечего было говорить людям, не случайно я ушел с этой должности в Госдуму. Сейчас же мы как бы вернулись в 92-й год, измучив народ этими пятилетними «недореформами», потеряв время, многое в государстве «проев».

А делать придется все равно то же, что делалось при Гайдаре. Но в уже более тяжелых условиях. И я понимаю Кириенко: никуда от непопулярных мер не уйдешь. Но убедить в этом людей чрезвычайно трудно, теперь слова не помогут. Убедить можно только конкретными изменениями к лучшему.

О СОБЕСЕДНИКЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Есть нечто, выделяющее А. Минжуренко из ряда местных политических кумиров. И это «нечто» можно определить как совершенное отсутствие в его публичных выступлениях пафоса, какого бы то ни было - обличительного, державного или номенклатурного. Даже резко критикуя кого-то, он никогда не поднимается (или не опускается?) до того праведника, который всегда связан с какой-либо идеологической направленностью».

(«Вечерний Омск», июнь 1995 г.)

- Не соскучились по науке, по преподавательской работе?

- Я продолжаю читать лекции в университете. Это курс дореволюционной и послереволюционной истории. В порядке эксперимента в течение двух семестров прочитал лекции по современной политической истории России - спецкурс, который сам разработал. Он был включен в список спецкурсов, которые студенты могли посещать по принципу свободного выбора. И с удовлетворением могу отметить, что современная история вызывает у них живой интерес: ребят на эти лекции ходило много - причем не только с истфака, но и юристов, экономистов, филологов.

- Сегодня под вопросом судьба всей высшей школы. Серьезные финансовые вливания в нее в обозримом будущем, скажем трезво, не просматриваются. Чем тут можно помочь?

- Раз уж вы как бы предлагаете вывести пока за скобки вопрос о финансировании (которое, конечно же, нужно как воздух), то замечу: если правительство не может кому-то дать денег, оно должно дать ему свободу. В данном случае речь идет о свободе высшей школы зарабатывать средства на собственные нужды собственными усилиями.

Сейчас вуз не может принимать абитуриентов на платной основе более 25 процентов от планового приема. Но ведь за последние годы прием «бесплатных», условно говоря, студентов из-за появления плат-

сти к тяжелым явлениям. Помню, и Казанику говорил: «Те же люди, которые сейчас тебя на руках носят, будут кричать «Распи его!»»

«Обо всем, что происходит в Омске, я сразу информирую президента»

ных совершенно не сократился. Это миф, что студенты, чьи родители не имеют денег, поступить все труднее. Наоборот расширение платного приема может сильно помочь вузу в материальном смысле. И это нужно всячески разъяснять.

Надо самим вузам активнее работать в этом направлении, расширять платное обучение, но не ущемляя, конечно, тех, кто обучается на бюджетные средства. За счет платы за обучение, взимаемой с части студентов, вуз сможет и отплатиться, и освещаться без перебоев, решать другие связанные с финансами вопросы.

О СОБЕСЕДНИКЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Вышедший из-за преподавательской кафедры в большую политику во время горбачевских игр в «гласность, демократию и перестройку», Александр Васильевич Минжуренко прочно в ней обосновался. Депутат первого съезда народных депутатов СССР, наместник президента в Омске, депутат Государственной думы, один из лидеров «Выбора России», Александр Васильевич уверенно шагает по ступенькам карьерной лестницы профессионального политического деятеля...».

(«Позиция», июнь 1995 г.)

- Вы - всегдашний борец за многопартийность и свободу печати. Давно уже в Омске выходят такие газеты, которые никогда не напечатают вашу фамилию, не сопроводят ее нелестными эпитетами или ругательствами. Что вы на это скажете?

- Что тут скажешь?.. Расцениваю это как проявление низкой политической культуры. Мы предполагали, что при многопартийности будет много изданий разного направления, что нужно будет вести полемику со своими политическими оппонентами. Но я лично не думал, что все это будет на таком уровне...

«Самое тяжелое началось, когда пришел Черномырдин. Оказался полностью сбит темп реформ»

Почему так произошло? Вот возьмем ту же КПРФ. Ведь эта партия - отнюдь не преемник КПСС. Достаточно просвещенные, подготовленные к теоретической полемике выходцы из КПСС в КПРФ не вошли. Они сегодня занимают другие, конкретными делами. Мы с вами знаем на нашем областном уровне многих бывших заметных партийных деятелей, которые вошли сейчас и в руководство области, города, и в хозяйственные структуры. Они приняли новые правила игры и работают - причем многие работают весьма хорошо. Это нормально.

А в КПРФ после такого «отсева» попала далеко не лучшая часть «старых» коммунистов. Отсюда и тот уровень политической культуры, который нам приходится наблюдать, который отражается и в газетах. Вот, пожалуйста, - последний номер «Красного пути»: тут чистушка про меня помещена. Ну какая в данном случае может быть полемика? Мне тоже, что ли, частушки сочинять?..

А если серьезно, то оппозиция нужна, необходима, но такая, например, как Явлинский. Он ведь бьет больше, чем нынешние коммунисты, грамотнее, и потому - чувствительнее. К критике, идущей со стороны «Яблока», всегда нужно прислушиваться и делать в своей работе определенные коррективы, так как эта критика научно обоснована, продумана. А ругань - она и есть ругань.

- В свое будущее пытались заглянуть?

- Я не держался и не держусь за нынешнюю свою должность. Сейчас трудно, морального удовлетворения мало, все время в каком-то напряжении находишься. Я пока не вправе думать об отставке, когда так беспокойна политическая ситуация. Это будет сильно смахивать на дезертирство. Так что - работаю, хотя при малейшем намеке со стороны моего руководства рапорт об отставке написать готов.

Александр ЛЕЙФЕР. Фото Евгения ОЗОЛИНА.